

18+

Сергей Петров

**Сердце
ледяного
дракона**

Сергей Петров

Сердце ледяного дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49603260

ISBN 9785005099723

Аннотация

«Сердце ледяного дракона» – это фэнтези-история о том, как парень с болот открывает в себе магические силы. Он хочет творить добро, строить империю света. Но между светом и тьмой тонкая грань...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Орден седых старцев	8
(много лет ранее)	9
Глава вторая	19
Драконоборцы	19
Путь туда и дорога от туда	20
Глава третья	46
Крылья свободы – огонь	46
Глава четвертая	65
Ворон	65
Глава пятая	75
Дух леса	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сердце ледяного дракона

Сергей Петров

© Сергей Петров, 2019

ISBN 978-5-0050-9972-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ты послушай мой куплет,
А потом мне дай ответ:
Ты согласен, али нет
Дать мне дружеский совет —
Как избавиться от бед.
Мой повесился сосед.
Дух его не домосед.
Каждый день: «Привет, сосед!»
Он роняет мой кастет,
Падает жены браслет
Ты согласен, али нет
Дать мне дружеский совет?

(Синкер – полоумный скоморох из свободного города – спел это перед казнию через четвертование за свои песни об Императоре)

Пролог

Это были тёмные времена. Моргул поработил всех человеческих королей. Приносил человеческие жертвы, чтобы поддерживать сердце дракона, бившиеся у него в груди. Вулбар был последней землёй присоединённой к империи Моргула.

Здесь, в Вулбаре появился странный юноша, богато одетый, чересчур смуглый, с глубокими голубыми глазами и чёрными, как смоль, волосами. Он любил эль и трактиры, и ненавидел вышибал и солдат. Не раз попадал в переделки. Никто не мог сказать, сколько раз его уже выбрасывали вон из корчмы «Живая кружка», принадлежавшей брату местного прокуратора, толстому и неповоротливому трактирщику с огромными руками и одним единственным глазом, любившему нанимать в вышибалы народ из соседних земель, при этом, каждый из вышибал был выше на голову, а то и на две хозяина.

В этот день в корчме всё было как обычно: местные пьяницы выпивали, несколько гроссбауеров обедали, какие-то странные люди пытались снять комнату. Среди гуляк сидел, смотря на свою ещё наполовину полную кружку, и этот странный юноша, они громко обсуждали императора Моргула, или, как они его называли – узурпатора Моргула. Время от времени один заканчивал говорить, и остальные под-

держивали его дружным гулом. Трактирщик, будучи братом прокуратора империи уже был готов будить вышибал, спящих в дальнем углу за дубовым столом, подложив руки под головы. Но дверь распахнулась, и в трактир вошли несколько солдат в красных доспехах. Услышав бунтовские разговоры пьяной братии, они немедленно направились к нарушителям. Самый большой из вошедших взял первого попавшегося «мятежника» за шкуру, поднял, наблюдая за тщетными попытками освободиться, некоторое время подержал, а потом с силой ударил головой об стол. И где берут таких здоровяков? Чем их откармливают? Наверное, он жертва какого-нибудь императорского эксперимента, а император частенько подвергал своих подданных магическому воздействию.

От удара несчастный, освобождённый из рук огромного солдата, без сил сполз на пол и перестал дышать. Здоровяк пнул тело сапогом, и через мгновение сам получил глиняной кружкой по голове. Кружка разлетелась вдребезги, а солдат вытер рукой лицо от эля, схватил наглеца и бросил об стену. Странный юноша, который только сейчас понял, что происходит, выхватил из-за пояса одного из солдат кинжал и бросился на здоровяка. Тот, как ни в чём не бывало, увернулся, вывернул руку и бросил на стол нападавшего, рубаха которого осталась у него в руках, обнажив молодое красивое тело, на плече которого был странный шрам. Солдат перехватил рубаху, подошёл сзади, перекинул ткань через шею и начал

душить. Юноша вцепился в уготовленную ему петлю, оттягивал её от горла, цепляясь за жизнь. Но у него не хватало сил, он был слабее. Резко дёрнувшись, он ударил соперника стоящего сзади локтем под грудь и, попав по доспехам, взвыл от боли, ослабев на мгновение. В его глазах уже плыла пелена. Он увидел Ангела Смерти с косой. Он держал в руках песочные часы, на которых было написано его, юноши, имя. Имя, про которое он уже почти забыл, которым его уже давно никто не звал – Гросс Вулфсон. Но ещё оставалось много песка. Гросс закинул руки назад и схватил солдата за лицо, пытаясь выдавить глаза. Солдат оттолкнул его, и юноша вылетел в дверь, сильно ударившись головой.

– Я убью его! – сказал Гросс – я убью вашего узурпатора! – кричал он убегая. Ангел смерти кивнул ему в ответ. Шрам на плече сильно болел, навевая воспоминания о прошлой жизни. У него появилась новая цель. Цель, к которой нужно идти, за которую не стыдно умереть.

Солнце обжигало его щёки, ветер нежно теребил его волосы. Его кто-то окликнул, но Вулфсон не обернулся, он смотрел вдаль, его чуть подташнивало из-за удара. На шее остался порез: «Я убью их императора, как он убил моего отца, из-за которого убит мой дядя, и сегодня чуть не убили меня. Потом найду нашего короля и верну ему корону. Смерть узурпатору! Смерть!» Услышав своё имя, за спиной у ангела появился его хозяин – Сам Смерть.

Глава первая

Орден седых старцев

(много лет ранее)

В огромной зале каменного замка царила полумгла. Горели свечи. Тени огня танцевали на стенах. Пахло ладаном. Члены ордена начали собираться. Два старика, Купрум и Стронций, сидели за столом, оба молчали. На лестнице слышались шаги. Через некоторое время в дверном проёме показался седовласый старец с длинной расчёсанной бородой. Он опирался на деревянный посох, на изогнутом конце которого сидел ворон – чёрный, с редкими белыми перьями. Взор пришлеца был устремлён к столу. Он подошёл чуть ближе, и заговорил.

– Где остальные? – голос был твёрдым и властным. – Время пришло.

– Они ещё не прибыли, – ответил первый старец, – почему бы нам не начать без них?

– Что можно обсудить с вами двумя? Орден состоит из семи человек, как я могу начать собрание только с вами, самыми никчёмными из нас? – собеседники склонили головы, глава продолжил:– Я же ясно дал понять, что это важно, – Он поднял свободную руку к небу, второй ещё сильнее сжал посох, и вспышка озарила зал. В синем свечении, корчась от боли, парили четверо стриков. Магистры Борум, Аргентум, Иттрий и Радий.– Почему вы не явились? – Свечение развеялось, и магистры упали на каменный пол. Ворон сле-

тел с посоха и сел на край стола.

Орден был готов к обсуждению. Семь великих магистров, четверо из которых беспомощно лежали на полу, были в сборе.

– Аурум, что ты себе позволяешь? – один из вновь прибывших встал. – Ты оторвал меня от важного эксперимента. Сначала посланием, а потом и этой выходкой, – он немного подождал, потом снова начал говорить, но уже чуть тише, – мы с тобой ровесники, и наши силы равны.

– Наши силы равны, но мудрости нет в тебе, Аргентум, – Аурум сел, облокотив посох на стол. – Думаю, можно начинать, – ворон одобрительно покаркал. – Гидрардирум согласен со мной, – маг указал на ворона.

– Зачем ты нас позвал? – спросил Аргентум, остальные молчали. – Что может быть таким важным, чтобы отвлекать меня от дел?

Аурум гневно посмотрел на него. Аргентум затих.

Глава ордена встал, поднял руки и начал рассказ: «Последние десятилетия своей жизни я провёл в мольбах и гаданиях. Мои Алхимические изыскания дали мне знания о том, как можно приоткрыть завесу грядущего, как развеять мглу над годами и узнать, что будет со всеми нами, – он выдержал многозначительную паузу, провёл взглядом по слушателям и продолжил: – Что нас ждёт? – я вижу смерть. Она прейдёт к каждому из нас»

– А ты думал, что ты бессмертный? – засмеялся Арген-

тум. – я предсказываю то же самое и без всяких алхимических изысканий. Занялся бы чем-нибудь полезным. Я вот почти нашёл лекарство от болотной малярии, недуга, мучающего людей на моей родине, болезни, загубившей не одну сотню человеческих жизней.

– Я, наверное, не так выразился, – всячески стараясь скрыть раздражение, ответил Аурум. – Нас всех убьют, и всех – один человек, который вероятно ещё даже не появился на свет. Наша задача его найти, изменить наше будущее, не дать ему озлобиться, или уничтожить его. Искать нужно начинать уже сейчас. Всё, собрание окончено, – Поднялся, укутался в свой плащ и ушёл, ворон Гидрардирум полетел вслед за ним.

Старцы, всё это время молчавшие, оживились. Начали обсуждать услышанное. Аргентум встал и ретировался. Выйдя на улицу, он ощутил на своих щеках капли дождя. Его дыхание порождало пар. Он думал, думал о том, что его могут убить, его, одного из семи великих магов, второго, а может и первого по силе магистра ордена седых старцев может убить какой-то озлобленный, возможно ещё даже не родившийся маг или воин – что менее вероятно. А ведь он, магистр, почти нашёл лекарство от болотной малярии – болезни-бича жителей торфяников.

Он шёл по аллее. Брызги летели от луж, а это означало, что ливень будет долгим. Небо было серым и унылым. Кто-то сзади назвал его по имени. Аргентум обернулся, Ау-

рум невозмутимо стоял за ним. Ворон Гидрардирум сидел на плече. Верховный магистр гладил его.

– Мы должны найти его, он может изменить ход истории, – Аурум смотрел прямо в глаза, – от этого зависят наши жизни.

– Наоборот, если мы найдём его, мы изменим предстоящие. Нарушим естественный ход истории. Это неправильно.

– Правильно умереть? – Глава ордена задумчиво потеревил бороду. – Пройдёмся, обсудим это подробнее. – Он сделал жест рукой, Аргентум последовал за ним. – Ты думаешь, я плохо подумал? Недостаточно поразмышлял, перед тем, как созвать совет? – Второй маг по силе ехидно улыбнулся. Аурум продолжил: – Нет, я и так потратил на это больше столь ценного времени, чем следовало. Моё предсказание точно. Убийцу будут звать Моргул.

– Зачем ему убивать нас? – Аргентум поднял брови и взял за плечо верховного магистра. – Зачем?

– Это мне не открылось, – потупив взор, ответил Аурум. – грядущие годы таятся во мгле...

– Быть может, ты ошибся? Зря нас созвал? Мы будим искать того, кого не было, нет, и не будет?

– Это невозможно, – Гидрардирум подтвердил слова магистра одобрительным карканьем. – У всех нас отнимет жизнь, обоблившийся на мир, Моргул.

Аргентум всё ещё надеялся, что Аурум ошибся. Что предсказание неверно. Он не хотел расставаться с жизнью, не хо-

тел умирать. Мёртвый, он не сможет наслаждаться пищей, не сможет утолять жажду. Нет, он не может, он должен жить. Он не закончил свои дела, ему некому передать свои знания. Впереди ещё много свершений. Вдруг он так и не найдёт средство от малярии?

Оставленные в замке старцы обсуждали, как они будут искать убийцу. Стронций подошёл к окну, распахнул его, и в зал полилась живительная влага дождя. Он облокотился на подоконник. Его взгляд был направлен на горизонт. Он умрёт, если они не найдут человека из пророчества Аурума, они все умрут, если не найдут его...

– Стронций, – прервал его размышление магистр Борий. – что ты думаешь по этому поводу?

– Я ещё ничего не решил, брат магистр, – он едва находил слова, – я воздержусь от участия в обсуждении.

– Кто бы сомневался. Ты слишком безволен, Стронций-магистр. Года не пошли тебе на пользу. Чем ты занимался всё это время?

– Я пытался улучшить огненное заклинание.

– Получилось?

– Нет, – Стронций опустил голову, – не получилось.

– Так может, тебе стоит умереть? Ты не сделал ничего полезного.

– Но я хочу жить... – взмолился Стронций, как будто Борий мог спасти его. – Просто хочу.

– Чувствую, тебя убьют первым.

Зал почти опустел. Остались только Стронций и малоразговорчивый Иттрий. Первый обдумывал услышанное, второй сидел с отсутствующим взглядом и что-то писал на грязном пергаменте. Чернила ложились неровно, почерк был трудночитаем. Закончив писать, он свернул свиток и вышел. Стронций остался один. Он подошёл к камину и пошерудил кочергой угли. Страх, навеянный на него другими магистрами, никак не покидал его. Снаружи круглым серебряным шаром наблюдала за миром луна. Полнолуние, Стронций может обезопасить себя. Нагнувшись над огнём, он прочитал заклинание. Пламя рвануло вверх, обжигая колдуну бороду и брови. Из камина на него смотрел огненный демон. Сглотив, стронций начел беседу:

– Я хочу заключить сделку, – демон мерзко рассмеялся. – Дай мне свою силу, властелин огня, повелитель пламени.

Демон обхватил Стронция и исчез, унося его с собой в царство мрака. Камин потух, оставив угли дымиться серым дымом. Замок заснул глубоким забвением. Сами собой закрылись ставни. Птицы перестали летать над ним. Осиротели гнёзда на башнях.

Чем дальше Иттрий удалялся от замка, тем сильнее было предчувствие, что произошло нечто ужасное. Он боялся обернуться, ему казалось, что кто-то преследует его. Он при-

жимал к груди свой свиток – конспект того, что ему нужно делать, что ему нельзя забыть. С памятью у магистра проблем было всё больше и больше. Он пытался вспомнить заклинание, но время наложило след на его разум. Он перебрал все возможные слова, но так и не нашёл нужных, но казалось, они вертелись на языке.

Радий медленно шёл за Иттрием. Он выжидал, крался, замирал, снова крался и снова замирал. Он был сосредоточен. Им владело желание украсть у брата-магистра оберег. Тот всё равно забудет, кто его отобрал, или когда-нибудь сам его потеряет. Ему, Радию, эта вещь нужна, особенно сейчас, когда его должны убить. Любит всё-таки Аурум запугивать других членов. Всё шло нормально, однако Радий чувствовал опасность, ощущал беду произошедшую в замке, но не мог понять, в чём всё-таки дело.

Когда Радий максимально приблизился к Иттрию, рука преследователя скользнула над седой головой, Иттрий застнул, с его шеи снялся и отправился в карман Радию оберег. Дело сделано. Радий взмахнул руками и исчез.

Появившись вновь, в нескольких лигах от замка он столкнулся лицом к лицу с магистром Купрумом. Тот промямлил скороговоркой нечто вроде:

– Извините, Радий-магистр, чем обязан?

Радий сделал вид, что пришёл именно к нему:

– Мм-м, Брат-магистр, что вы думаете о сегодняшнем сборе?

– Вам интересно моё мнение? – Купрум замялся. – Вы уверены?

– Иначе бы я не спросил.

– Нам нужно найти его до того, как он найдёт нас...

– Отчасти—правда. Однако, какая скверная нынче погода. – Он хотел быстрее отвязаться от него.

– Разве? Я люблю дождь. – Купрум отвёл взгляд.

– Как можно любить дождь? – Радий положил руку в карман и сжал оберег. Он влёк его, заставлял посмотреть на себя. Радий вытащил его и с наслаждением узрел золотой блеск. – Холодно, мокро и противно.

– Откуда у вас оберег магистра Иттрия? – Округлил глаза Купрум.

Радий быстро нашёлся:

– Я нашёл его возле замка, вероятно, наш старик выронил его.

– Надо вернуть ему... Вы не должны были до него докопаться. Только Иттрий способен совладать с ним.

– Нельзя было просто оставить его. – Радий волновался. – Какая-нибудь сорока могла утащить его в своё гнездо.

– Вы правы, – Купрум изобразил подобие улыбки, – пойдёмте, я помогу Вам найти магистра Иттрия. Я чувствовал магию в нескольких лигах отсюда. Это, должно быть, он.

Радия трясло. Он думал, что же он скажет Купруму, когда они найдут спящего магическим сном магистра. Он задышался от волнения, прокручивая в голове разные объяснения, одно краше другого, но ни одно не совершенно. А вдруг, они не найдут его? Да, они не найдут его! – Радий облегчённо вздохнул, набрал полную грудь воздуха, и снова затрясся: «Мне не может так повести...» – и снова начал перебирать ответы. Он посмотрел на оберег. Тот насмешливо светился, возможно, последний раз в его руках.

Поиски длились недолго. Через четверть часа они наткнулись на Иттрия. Купрум подбежал и приподнял магистру голову:

– Он спит магическим сном, – удивлённо уставился на Радия Купрум, – на него кто-то напал! Мы опоздали! Аурум предупредил нас слишком поздно. Это был Он. – Последнее слово произнёс он с особым напряжением.

– Вряд ли, скорее всего старик перебирал заклинания, пытаясь вспомнить нужное, и погрузил себя в сон.

– Возможно, – Купрум успокоился, – Нужно разбудить его.

– Нужно, – согласился Радий, прочитал заклинание и Иттрий застонал. Радий спрятал оберег в карман, – Он проснётся через несколько минут, мне пора.

Он уже был готов исчезнуть.

– Магистр Радий, Вы забыли про оберег.

– Да, – Радий скрипнул зубами, – Конечно, – он положил

амулет на грудь Иттрию, – Теперь точно пора.

Отвернулся и исчез.

Глава вторая

Драконоборцы

Путь туда и дорога от туда

Над болотами взошло солнце. Лес запел голосами птиц. В маленьком поселении Зумпфвальде проснулась жизнь. Люди шли набирать мутную воду, проверяли подпорки, собирали ягоды. Жизнь этих людей была очень тяжёлой. Они жили посреди топи в гниющих деревянных домах, стоящих на таких же гниющих и таких же деревянных опорах. Их дожимали комары, переносящие малярию, змеи, укус которых приводил к смерти. Невдалеке от болота возвышались почти неприступные горы, в них селились огненные драконы, летающие на охоту в лес, поджигающие торфяники. Бороться с ящерами было смыслом жизни обитателей Зумпфвальда. Каждый мужчина был драконоборцем. Престиж определялся количеством убитых драконов, зубы и когти которых обменивались на зелья от назойливых насекомых-кровопийц, мясо, железо.

Моргул был слабым и хилым парнем. Его никогда не брали на драконов, он был там просто не нужен. С восхищением смотрел он на драконоборцев, возвращающихся с охоты, на их трофеи, блестящие в свете солнца. Смотрел, и возвращался домой на самый край деревни, где его ждали постоянно ослабленная из-за малярии мать и отец, считавший, что Моргул рождён от его брата, и поэтому люто ненавидящий и брата, и жену, и сына, названного Моргулом, что на языке

орков означает ублюдок – незаконно рожденный.

Моргул заглянул в дверь, в этот раз дома никого не было, все куда-то ушли. Скорее всего, на торги по случаю возвращения драконоборцев. Отец, как бывший драконоборец любил расспрашивать об успешности охоты, опасностях, о трудностях в дороге. Мать, чаще всего лежавшая от слабости, ходила покупать уже выменянные зелья от комаров. Они ещё не вернулись. Моргул зашёл. Его дом был обставлен так скудно, как это вообще возможно: здесь не было не кроватей, ни столов, ни стульев. Их место занимали подстилки и небольшие подушки. В самом дальнем углу было подобие шкафа – нечто среднее между сундуком и этажеркой, вещица, выменянная у торговца с севера на глаз дракона, добытый отцом много лет назад. Вместо кухни была отдельная комната с проржавевшим железным полом, в которой по-чёрному разжигали костёр и готовили, благо в торфе не было недостатка – всегда можно согреться или что-нибудь испечь, главное – иметь огниво.

Моргул сел на пол. Его жизнь была пустой и ненужной. Он думал, он всегда думал, что раздражало его отца. Послышались шаги, дверь распахнулась, и в неё вошли его родители. Мать, шатаясь, села на свою циновку и обхватила голову руками. Отец пнул Моргула:

– Ты знаешь, что теперь твоя очередь идти на драконов? Браф спрашивал про тебя, вы выдвигаетесь через неделю, вы – значит и ты в том числе, – отец ухмыльнулся, – пока

что, только оруженосцем.

– А что случилось с Кирко, с его старым оруженосцем?

– Тебя это не должно волновать, – он отвесил ему затрепщину. – Просто делай, что тебе говорят.

– А всё-таки, что с Кирко? – он уже был не рад, что спросил, однако отец на этот раз ответил ему.

– Он оказался не слишком расторопным, – улыбка расплылась шире, – его похоронили в горах.

Неделя прошла как всегда. Его мать как обычно слегла с малярией, она провела больше половины своей жизни в таком состоянии, женщин малярия почему-то не убивает как мужчин; отец раздавал подзатыльники. Еда была, как и всегда скудной: ягоды, кислые ягоды и очень кислые ягоды. Иногда птицы, которые легко ловятся, и мяса в которых меньше, чем разума у умалишенного. Моргул был рад, что тоже сможет принести трофей, хотя у оруженосца было ничтожно мало шансов этого сделать, но страх неизведанности терзал его, поедая душу изнутри. С каждым днём он переживал всё сильнее. На шестой день, за сутки до выхода, у него затряслись руки, его настигала паника, он захлёбывался в ней, но успешно он её скрывал от окружающих. Никто не знал, никто не чувствовал, никто не догадывался, что происходит с Моргулом. Он старался успокоиться, расслабиться. В ночь выхода отец разбудил его, ударив ногой по шее, синий след остался на несколько дней, Моргул даже не заметил, он давно уже привык.

Драконоборцы выходили почти налегке, лошадей вели под уздцы. Оруженосцы несли мечи: двуручные, короткие, искривлённые; шлемы, небольшие вещи. Так они должны были идти, пока не закончится лес и болото. Дальше их ждали телеги со всяким скарбом, на которые сядут оруженосцы. Те, кто имеют лошадей, оседлают своих скакунов. А дальше, долгая серая дорога...

Они ехали уже три дня. Жарко, вокруг сплошное марево. Моргул был сонным. Дорога изнеможала его. Лес перешёл в берёзовую рощу. Белые берёзки, склонившие свои изумрудистые кроны-головы друг к другу, стояли, как коридор зелёный, как путь в волшебную страну. Хотелось спрыгнуть с повозки и со слепой детской радостью побежать меж стволов пепельно-снежно-пухового цвета. Деревья закончились, началась Малая Степь. Куда не посмотри – сухая трава и кое-где полевые цветы. Ирисы, закручивающиеся в голубом, как небо, порыве своих лепестков, радовали глаз. Шафраны застыли, точно обработанный искусным мастером лазурит. На горизонте уже виднеются горы. Длинным хребтом протянулись они с востока на запад. До них ещё несколько дней пути. Жизнь казалась медленной и скучной, не смотря на пёстрость пейзажей.

Ридом с дорогой мельтешили суслики, мыши; животные

покрупнее: лисы, собаки, охотившиеся на них, иногда про- бегали на пути дракоборцев. Браф подстрелил одну лиси- цу из лука: «подарю жене шкуру», и сунул её Моргулу: «Сни- ми шкуру, очисти от мяса». Моргул никогда этого не делал, но перечить не стал. Получилось у него не очень здорово, но сносно. Другие делали то же. Пожитки постепенно попол- нялись.

На пути должно было встретиться поселение. Моргул ждал, когда они всё-таки до него доберутся. Дорога станови- лась всё хуже. Ямы и колдобины стали попадаться слишком часто. Дракоборцы заметили дым – это, должно быть, де- ревня. Они ускорились, желая напоить лошадей, отдохнуть и поесть супа, которого они так давно не ели. Когда обогну- ли холм, им открылась страшная картина: поселение было сожжено, всюду виднелись обожжённые балки, горы пепла, кое-где дома уцелели, не поддавшись пожару, но выглядели они так убого, как только может выглядеть жилище. «Драко- ны, – сказал Браф, осматриваясь – Мы опоздали, какая жа- лость... Я ещё не отомстил за беднягу Кирко». Моргул хотел было возразить: мол, хорошо, что их не было, когда людей жгли живьём, и что никто не хотел бы быть среди несчаст- ных; но опомнился, и отказался от этой идеи, из-за которой его посчитали бы трусом.

Отряд шёл вглубь деревни, от запаха гари слезились глаза. Площадь в центре, зрелище ещё более ужасающее: вокруг столба были навалены тела людей, их горла были перере-

заны, животы искромсаны, у некоторых наружу вывернуты кишки. Над страшной кучей летали вороны, с оглушительным карканьем, они живились богатой добычей: выклёвывали глаза, языки, губы – самые лакомые части. Драконоборцы были ошеломлены: «Это не драконы, точно не они...». Браф спешился, подошёл поближе, морщась от падальной вони. Из груди одного убитого он выдернул ржавый ятаган: «Орки!»

– Но здесь не было никогда орков, – возразил старый драконоборец по имени Накрис, – мы никогда их не видели.

– Тем не менее, это, несомненно, они, – Браф посмотрел на остальных, – братья, у нас появились новые враги.

Моргул никогда не видел ни орков, ни гоблинов, ни других нелюдей, но слышал о них. Кроме детей человеческих, живьём он вообще не видел никого, только однажды, ему показалось, что он встретился с лепреконом. Это было дома, на болотах, и он всегда считал это просто видением.

На ночь они решили остановиться здесь, прямо в центре – любой лекарь схватился бы за голову, услышав, что кто-то ставит лагерь прямо возле груды мёртвых тел.

Драконоборцы разговаривали ни о чём, чтобы скоротать время. Наркис вырезал ножом из полена какую-то фигуру, Браф рассказывал двум относительно молодым драконоборцам, Вислу и Слаю, о помешавшемся знакомом, который добровольно вошёл в Бездну.

– Какую бездну? – спросил Моргул. – Что это?

– Ты не знаешь, что такое Бездна? – Браф был одновременно удивлён и весел. – Хаос, Вечность – ни о чём тебе не говорит? Ты не знаешь, откуда появляются орки, тролли, и прочая нежить?

– Нет, можете рассказать? – Моргул был смущён, все вокруг улыбались.

– Пусть Наркис расскажет! – крикнул кто-то сзади.

– Да, пусть Наркис, – согласился Браф. – У него это хорошо получается, да и знает он больше всех. Мы тоже лишний раз послушаем. Наркис, ты как?

Наркис привстал, сел поудобнее и начал.

– Слышали ли вы когда-нибудь о Сером Императоре? – все, кроме Моргула закивали: «Что-то да слышали», – Так вот,...

– Кто он? – перебил Моргул. – Серый Император?

– Ты и этого не знаешь? – Наркис был ошарашен. – Ну ладно, был очень много лет назад Император всего...

– Почему серый? – снова перебил Моргул. Браф бросил в него сапог: «Уймись!»

– Почему серый? – принялся объяснять Наркис. – У магии два цвета – чёрный и белый. Император пришёл к власти жестоко, круша всех несогласных, что встречались у него на пути. Но как стал править, все зажили так хорошо, как никогда не жили. Не было ни войн, ни голода. Белая его магия поддерживала урожаи, лечила больных. А если смешать чёрную краску с белой – получится серая. Потому и Серый

Император. Однажды надоело ему править, и он ушёл, поручив семерым своим законным сыновьям разделить между собой его владения по справедливости и править в них, передовая власть своим детям и детям своих детей. Но сыновья не смогли мирно разделить отцовские владения. Началась великая смута, – Наркис остановился, осматривая слушателей и, услышав заветное «Ну рассказывай же!», продолжил. – Брат убивал, предавал, подставлял брата. Пока из семерых не остались только двое. Самый старший брат – могучий маг, и самый младший, самый неумелый в магии, мечтавший построить мир, где находчивость и изобретательность заменили бы её; после самого простого колдовства падал он без памяти. Оба были крепкими воинами. Отец, решивший проверить своих сыновей, разгневался их враждой, но наследство всё же надо было делить. Тогда совершил он самое грандиозное тёмное колдовство – сотворил бездну, разделяющую владения двух братьев. С одной стороны не было магии, а с другой всё осталось, как и было при нём, при Сером Императоре. Трёх своих внебрачных сыновей, работавших, как и законные мужья их матерей, жнецами, поместил он в этой Вечности забирать умерших в другой мир, разделив их – два близнеца, Старший и Максимилиан отвечали за долю сына-колдуна, а один за долю младшего. Бездну нельзя было пересечь никому – человек, гном, эльф, вошедшие туда, выйдут на эту же сторону, но уже орком, гоблином или троллем. Поэтому знакомый Брафа вошедший

туда – сущий сумасшедший. Только кобольды могут проходить сквозь хаос, прислуживая Серому императору на покое, поселившемуся в бездне. От кобольдов то мы и узнаём, что происходит по ту сторону вечности.

– А что было дальше? – спросил, надоевший уже всем своими перебиваниями, Моргул.

– Дальше старший брат помер... По рассказам кобольдов, в мире по ту сторону не видно бездны, с той стороны войти в неё совсем нельзя. Если ты подойдёшь к ней, то окажешься в другом конце того мира. Однако, с нашей стороны вечность видно превосходно. И началось то, что представиться ни кем не могло даже в самых жутких ночных кошмарах – Бездна начала расти, расти в нашу сторону. Серый Император вышел из неё ко своим двенадцати внукам, и сотворил для каждого из них по перстню мира, а для себя – главное кольцо. С помощью перстней можно было защищаться от бездны, с помощью Кольца Мира управлять бездной, направляя её куда-либо. Император не подумал тогда, каким оружием может быть это кольцо, ведь с его помощью можно с одной стороны создать великую армию тьмы, направляя вечность на людей, обращая тем самым их в орков, а с другой, оно может сдерживать бездну, не давая ей, словно чуме, распространяться. Внуки построили для дедова кольца храм, огромный замок. Был создан орден Седых Старцев, следящий за этим кольцом.

– А остальные двенадцать? – спросил кто-то, но на этот

раз не раздражающий всех Моргул.

– А остальные двенадцать перстней исчезли, вместе с королями, потомками Серого Императора. Внуки ведь мирно, под присмотром деда, поделили землю на двенадцать королевств. Потом королевства объединялись в унии, дули... дали... дуалистические монархии, постепенно вырождались. Мор, чума опять же. В общем, последнее королевство, бывшее за императорским потомком, перешло к шурина потомка Серого Императора полвека назад. Говорят, брат погибшего на охоте короля-потомка не исчез, как всем сказали, а просто ушёл, опасаясь заговоров. Кстати, именно после смерти короля, к нам на топи пришёл, доселе никому не известный, твой дед, Моргул.

– Может, ты потомок Серого Императора? – засмеялись драконоборцы.

– Это уже другая история, – снова заговорил Наркис, смотря теперь только на Моргула, – но когда твой дядя погиб на охоте, дед твой о чём-то долго толковал с его женой, вручил ей какой-то свёрток и отправил куда-то – неизвестно куда, с двумя сыновьями. А через три четверти года родился и ты, Моргул.

Драконоборцы повеселели, они подходили к Наркису, жали ему руку, благодаря за как всегда интересный рассказ. Моргул подошёл к куче, вслушиваясь в пронзительную тишину ночи, обдумывая услышанное. Может он действительно потомок Императора? Размышления его прервали стран-

ные звуки. Кто-то застонал, он сосредоточился, прислушался. Да, здесь кто-то живой. Идя на голос, он спотыкался о трупы, падал, вставал, шёл и снова спотыкался. Раздвинув несколько тел, он увидел девушку, живую. Она была вся в крови, как в своей, так и в чужой. Она глубоко дышала. Моргул вытянул её за руки, и понёс к отряду.

– Ты решил перетащить все трупы сюда? – Браф был слегка пьян. Он подошёл, посмотрел на девушку, – Хороший выбор, но живые лучше, поверь мне.

– Она живая, дышит.

– Правда? – положил ей руку на грудь Браф. – Да, сердце бьётся. И что теперь нам с ней делать?

– Ей надо помочь! Она ведь помрёт!

– А ты знахарь? Почему же ты раньше не сказал? – Браф начал издеваться, – лечи, кто тебе не даёт?

– Нет, я не умею, – Моргул опустил голову, – я ведь не знахарь.

– Я тоже нет. Так что будем делать? – он осмотрел отряд, – есть предложения? По-моему, стоит оставить её здесь, всё равно она не жилец.

– Не тебе решать, жилец она или нет, – положил ему руку на плечо Наркис, – нужно взять её с собой.

– И что нам с ней делать? – Браф сверлил Наркиса взглядом.

– Нужно сначала промыть ей раны, обработать их. Надо проверить, есть ли в куче ещё выжившее.

– Я думаю, этим займётся Моргул, – Браф улыбнулся, – я пойду спать.

Девушка была очень слаба, силы покидали её. Наркис занялся её ранами, Моргул пошёл искать других выживших. Казалось, их не было. В окружении такого количества трупов их просто не могло быть. Однако, через некоторое время он услышал тяжёлое дыхание. Под трупом грузного бочкообразного мужчины, поднять которого стоило особых усилий, лежал юноша, живой. Его длинные русые волосы-змеи были окрашены в багрово-красный, лицо заплыло. Пелекановый нос был сломан. Моргул взял его за руку, чтобы поднять, но тут же отбросил – у парня была отрублена кисть, обрубок был перемотан тканью, пропитавшейся липкой кровью, засохшей, похожей на скорлупу. Взяв себя в руки, он снова взял его руку и поднял. Несчастный застонал. Моргул отнёс его к отряду. Наркис начал колдовать над ним. Выпив воды, Моргул вернулся к своей работе, разгребая смрадные тела. Когда он уже хотел закончить, пойти в лагерь, он наткнулся на ещё одного счастливца. Он был точь-в-точь, как тот, которого он спас ранее, был его точной копией. Он дышал, сердце его так громко стучало, как кузнец ударяет по наковальне, разбрасывая искры. Лицо было изуродовано, глаза выжжены, Моргул предпочёл бы смерть такой участи.

Наркис был удивлён двум спасшимся близнецам. За свою длинную жизнь он никогда не видел таких похожих друг на друга людей.

Моргул спал. Ему снились цветные сны, пока о жил в сером мире... Ему снилось зелёная целина, снились синие-небесные цветы цикория, жёлтые солнца одуванчиков. Он лежит. Вдруг, он куда-то падает. Всплеск, и он в воде, окутанный мерзкой травянистой тиной. Его облепили личинки комаров. Ужасно воняет. Это его родное болото, которое он всегда мечтал покинуть. Он встал, отряхиваясь. Трясина засасывала его. Он не мог сделать ни шагу. В панике, он осмотрелся – рядом плавает коряга, повезло. Он ухватился за неё и попытался выкарабкаться из зыбкого месива. У него почти получалось, но бревно вдруг превратилось в змею, которая обвила его руки и укусила за шею. Пронзительная боль. Он медленно начал погружаться под воду. Вод его голова уже под водой, он смотрит вверх, сквозь зелёную жидкость видно небо, неестественно быстро плывут облака. Он начал захлёбываться. Последний раз он взглянул на небо. Тёмная тень спикировала над болотом, это был дракон. Вытянув шею, он выдохнул пламя. Торфяники всполыхнули, вода закипела, булькая огромными пузырями. Но Моргул не обжигался. Болото высыхало, воды становилось всё меньше. Вот, голова уже на поверхности. Он жадно хватал воздух.

Браф поливал его протухшей водой.

– Кто не закрыл бочки? Вода протухла.

– Её можно было прокипятить, – послышался голос Наркиса, – а ты вылил её.

Выживших погрузили на телеги. Было решено возить их с собой, если умрут – похоронить. Кучу мертвецов закидали соломой и подожгли. Уезжая, Моргул долго смотрел на полыхающие пламя, на погоревшую деревню. А ведь здесь когда-то жили люди, у них были сыновья, дочери, родители, они радовались жизни, и не думали, что погибнут в страшных мучениях, что их тела будут навалены в центре деревни, что их трупы будут гореть; гореть адским огнём, лижущим своими языками им ступни, колени, туловища, руки, шеи, превращая детей человеческих в бесформенные огарки, как если мы надолго оставим зажжённой свечу. По щеке Моргула скатилась слеза.

Девушка открыла глаза.

– Где я? – спросила она, – что происходит? – Наркис подошёл, нагнулся над ней.

– Кто ты? Что ты помнишь?

– Меня зовут Сала, я дочка деревенского старосты.

Моргул вмешался:

– Можешь вспомнить, что было с деревней? – лицо Салы побледнело.

– Нет, я не могу, помню, все куда-то бежали, кричали, а больше... не помню, ничего не помню.

– А знаешь, кто они? – Наркис указал на близнецов.

– Нет, они не из нашей деревни. Я их раньше не видела. Не жили они у нас.

– У вас сейчас никто не живёт, и больше никогда жить не будет, – послышался голос Брафа, – Видишь огонь? – Сала кивнула, – вот ваша деревня.

Девушка закрыла лицо руками, заплакала. Её дома больше нет, тех, кого она знала – тоже больше нет, всего больше нет. Так стоит ли ей жить? – Теперь, – нет. Вся жизнь сошла на нет. Она посмотрела на Моргула: красивый, длинно-волосый парень с зелёными, как болотная тина глазами, впалыми скулами и острым подборотком. Да, Крафт был красивее, но и Моргул не был уродом. Быть может, она выжила не зря? – Может. Хотя... это сложный и, конечно же, важный вопрос, ответа на который у Салы не было.

Дни тянулись мучительно долго. Один из близнецов пришёл в сознание, он молчал. Было сначала непонятно, очнулся ли второй, так как лицо его было так сильно изуродовано, как только это возможно. Но потом он вдруг заговорил:

– Брат, я не вижу тебя. – Его губы почти не шевелились, по лицу нельзя было прочесть никаких чувств, если их вообще можно прочесть с такого лица.

– Я здесь, – последовал ответ, – я здесь, Брайн.

– Сфол, почему так темно? – его было больно слушать, голос дрожал, как осина на ветру, – кода же уже взойдёт солнце?

Браф вмешался:

– Для тебя оно больше не взойдёт никогда, смирись.

– Почему? Кто там? – окончательно потерял контроль над собой Брайн. – Как это, – не взойдёт?

Он трясся, его нос наполнился жижей, бедняга схватился за лицо, с испугом обнаружил его сухость, вероятно, теперь он будет плакать так, без слёз. Он раньше никогда не плакал, и теперь, когда он не может, жалел об этом. Тихо всхлипывая, он подполз к краю телеги, свесился – одно движение, и он падает на дорогу, катится в колею. Моргул прыгает за ним, тащит обратно. Брайн тихо и глубоко дышит.

Дорога начала подниматься вверх. Скоро торная её часть закончится, путь станет в разы труднее. А потом, встреча с драконами. Кто-то может не вернуться на родные топи. Как Кирко не вернулся с последней охоты, может, не вернутся и Моргул. А что если он погибнет? – Бывает... Интересно, где похоронен Кирко?

Невдалеке журчит ручей. Ландыши, белые, как снег, опустивши головы, плакали росой. Быть может, они скорбят по какому-нибудь драконоборцу? По бедняге Кирко, место которого занял Моргул?

Отряд остановился. Браф толкнул несвязную, как белый стих, речь, о том, что не нужно бояться, что надо истребить всех до последнего драконов. Скоро они увидят летающих ящеров. Скоро, очень скоро. Ведь для этого они и покинули свой отчий дом. Как после этого вернуться без трофея? У драконов очень красивая чешуя, за которую можно убить

как дракона, так и человека. Кража – тоже сбор трофеев, но он гнусный и подлый.

Последний привал. Моргул мучился ожиданием неизвестности. Наркис читал стихи, Моргул не слушал, считал их глупыми и бессмысленными. Как будто они звучали где-то далеко:

Серые валуны ожерельем окутывали горы. День шёл к логическому завершению. Драконоборцы готовились ко сну. Костёр горел, извиваясь в ритуальном танце. Моргул шурудил в нём тонкой палкой. Огонь вдохновлял его. Огнём можно жечь орков, с ним можно охотиться на волков, истреблять зло. К нему сзади подошла Сала. За эти несколько дней она уже поправилась. Сала обняла его за плечи. Он обернулся. Они несколько мгновений смотрели друг другу в глаза, неожиданно у Салы помутнел взгляд и она упала, схватившись за ногу. Моргул подхватил её и отнёс Наркису, тот осмотрел её, и обнаружил укус, две кровоточащие точки. Наркис метался, собирая какие-то травы: «Эта девушка притягивает к себе беды, как она умудряется быть всё ещё живой?!». Браф делал то же самое, и найденное забивал в курительную трубку, убивая своё тело и душу омерзительным действием.

Костёр, загадочно потрескивая, освещал лица сидящих

вокруг него людей. Слабая после укуса змеи Сала, положила голову на плечо Моргула. Браф сидит, смотрит вдаль, обхватив колени. Наркис палкой перемешивает в костре угли, изредка добавляя сухой травы.

– Наркис, расскажи ещё что-нибудь, – прервал тишину Моргул.

– Что именно? Хотя, тебе что угодно расскажи – для тебя будет ново. Дух леса – свидетель.

– Кто свидетель?

– Как, ты не знаешь о духе леса? – поднял глаза Браф. – Наркис, расскажи ему.

– Ладно, это как продолжение истории о Сером Императоре и о его потомках. После смерти Его внуков, и смерти их внуков, от бывшего величия империи не осталось и следа. По ту сторону бездны появился посланник небес, пожертвовавший собой, ради создания мира, спасённого от пороков и грязи. Ему это удалось, ведь он, как я уже сказал, был послан самим небом, жаль только мир этот просуществовал недолго и не везде. На руинах этого мира появился ещё более жестокий и ещё более порочный, чем до его прихода, мир. Под знамёнами благих намерений люди там уничтожали друг друга. С нашей же стороны такого посланника не появлялось. Но в двенадцати королевствах, десять из которых были полностью покрыты лесом, этот самый лес ожил. Дух леса – и человек и не человек одновременно. Его ученики – люди, эльфы, гномы – быстро расползлись по миру. Говорят,

что среди них есть даже получеловек-полулошадь.

– Хотел бы я шкуру такого себе трофеем, – усмехнулся Браф.

– Мне продолжать?

– Продолжай, продолжай.

– Ну так вот, получили его ученики очень уж долгую жизнь в обмен на свободу. Они не могли теперь вкушать радости жизни, они должны были заботиться о других, в том числе и об их радостях. Дух леса всё ещё здравствует, но очень уж он стар. Не известно доподлинно, что он делал добрую половину своей жизни. – Наркис потёр свой затылок, осмотрелся, – знаете, а я чего-то устал, пойду-ка я спать, – все последовали его примеру.

Белый саван на город опускает ведьма.

Ей покорна вся жизнь.

Ей служит время.

Белу девичью кисть

Мне приносит ворон.

Кольцо на пальце,

Мизинец оторван.

Мимолётное счастье:

Кольцо дорогое.

Но страшно стало,

Нет ни сна, ни покоя.

Они поднимались на гору. Комки земли отрывались у них под ногами и летели вниз. Как вдруг, отряд оглушил раскатистый гул. Он звучал, как горн воина, вызывающего своего противника на сечу. Горы дрожали, драконоборцы попадали на землю, прижавшись к ней в поисках защиты. Гул стих, потом вновь раздался оглушительным рёвом. Сильно запахло гарью, причём так сильно, что у них начали слезиться глаза. Охота началась.

Дракон должен быть убитым. Моргул быстро повторял про себя слова: «Дракон – зло, мы – добро, добро должно убить всё зло». Вспомнил бы он свои мысли потом, через десять лет, он бы проклял себя за такие глупости. А пока, он шёл по жизни с кредо: «Мы за добро, убьём всех злых!» Сейчас он бы написал эти слова золотыми фильдеперсовыми буквами на своём фамильном гербе, если бы он у него, конечно, был. Он бы изобразил на нём себя сидящим верхом на белоснежном скакуне, поражающим длинным копьём дракона. Но у него нет герба. Нет древнего рода. Нет регалий. А ведь ему бы так пошла золотая королевская корона.

Браф поднёс к губам рог и прогудел в него, пристально наблюдая за небом. Дракон появился неожиданно, он камнем упал, сложив крылья, вниз, изверг огонь, поджигая деревья, потом расправил крылья и взмыл в небо. Драконо-

борцы кинулись в рассыпную, спасаясь от огня. Подоставали мечи. Ящер снова спикировал на отряд, пытаясь схватить одного из дракоборцев, тот отпрыгнул, вонзив меч дракону в глаз. «Аккуратнее, самое дорогое!» – закричал Браф, подбегая, и нанося удар: «Минус сотня золотых!». Наркис накинул цепь на шею дракону. Браф был готов, как только дракон открыл пасть, он вонзил в неё меч. Кровь обагрила его доспехи, ящер упал. Остальные дракоборцы стремительно приближались, с ожиданием делёжки трофеев. Откуда-то снова послышался рёв. Деревья склонились, под порывами ветра. Второй дракон летел на огромной скорости. Взмахи его крыльев казались необъятными. Дракоборцы попрятались за деревьями. Дракон пролетел их, направляясь к телеги с выжившими, подобранными в сгоревшей деревне. Моргул был ближе всего к повозке, он вскочил, подбежал и перевернул её. Зрячий близнец потащил слепого брата в заросли, Моргул помогал Сале дойти. Дракон приземлился, ломая своим брюхом растения, размахивая огромным хвостом. Он хватал в лапы дракоборцев и бил ими об землю. Моргул оказался позади него, он схватил кинжал и воткнул дракону между двух чешуек. Дракон не обратил на это внимания. Моргул выдернул кинжал и вонзил его ещё раз. Дракон развернулся, сбивая его с ног, и схватил очередного дракоборца. Моргул запрыгнул на чешуйчатую шею и начал карабкаться к голове, держа оружие в зубах. Дракон замотал головой, пытаясь сбросить Моргула, но тот держался

что было сил. Ещё немного вскарабкавшись, он воткнул кинжал в ноздрю ящера, и тут же выткнул, тот заревел, открыл пасть, Моргул воткнул в неё кинжал, как это сделал Браф с первым драконом. Он вовремя отпустил оружие, из пасти вырвалось пламя, поджигая заросли, в которых прятались близнецы и Сала. Дракон схватил Брафа за плащ. Моргул смотрел за кустами: Близнецы бежали, Салы не было видно. «Переруби мой плащ!» – Закричал Браф, но Моргул спрыгнул с дракона и кинулся в огонь, оставив Брафа умирать. Он схватил Салу, и бросился прочь. Он слышал пронзительный крик Брафа сзади, но не оборачивался, он бежал, он не оглянулся ни разу. Споткнулся, вместе с Салой покатился с горы. Внизу: живы; снова бежать. Где-то сзади предсмертные крики драконоборцев.

Горы позади. Вокруг степь. Сала еле идёт. Моргул сам не лучше. Совсем нечего есть. Нет ни ягод, ни фруктов, ни животных, которых можно поймать, которыми можно наесться. Двигаться очень тяжело. Вода, набранная в ручье, почти закончилась. До родных топей ещё очень далеко. Вот и пить совсем нечего. Утром можно пожевать траву, пропитанную росой, но такой травы мало, в основном сухая. Жизнь останавливается, её огонёк едва тлеет в Моргуле и почти уже потух в Сале. Каждый шаг даётся с трудом.

Вечерело. Вдали показался дым. Они направились к нему. Повсюду были лошадиные следы. Копыта не подкованы. Видно шатры, расставленные вокруг костра. Кто-то разместил здесь свой стан. Слышны хриплые голоса, говорят на непонятном языке. Моргул оставил Салу чуть вдалеке, а сам начал подбираться поближе. Вот он видит сидящих вокруг костра. Присмотрелся, — это не люди! Страшные, низкорослые, безволосые, с большими зубами, — орки! Но кто-то сидит рядом, и это явно люди. Длинноволосые, немые сидели они с орками и ели сырое мясо руками — угны, Моргул слышал о них. Это полудикий народ не знающий жалости. Они кочуют в степи, разоряют земли по которым проходят, идут дальше, за невозможностью жизни там, где они побывали. Они, как орки, не имеют письменности. Никто не понимает их язык. Никто и не хочет понимать, их по праву все считают дикарями. Как по-другому называть людей, питающихся человеческим мясом, просаливая его в конском поту под седлом? Моргул никогда не думал, что угны вместе с орками.

— Ашн, ашн, — послышалось сзади. Сала замычала, пытается что-то сказать, — алш ашнже. — Угн звал других, зажав Сале рот ладонью. Орки и люди повскакивали, Моргул достал кинжал и бросился на врага из темноты. Угн выпучил глаза, умирая. Моргул схватил Салу и скрылся с ней в темноте.

Позади был слышен жуткий свист, топот копыт. Станов-

цы зажгли факелы. Пока ночь, можно спастись. Откуда-то появились силы бежать. Они бегут так быстро, что земля исчезает из-под ног. Вот уже они бегут по воздуху. Дорогу им заменяет небесно-синеватая дымка, немного проваливающаяся под их шагами, и нежно окутывающая им ступни. Они бегут по наклонной вверх, держась за руки. Страх остался где-то далеко, грудь разрывает от радости. Полное ощущение свободы. Моргул вытянул руку. Ему захотелось света и на его ладони зажглось свечение, тысячью светлячками освещающие путь. Он посмотрел вниз, там была степь такая бескрайняя, пока стоишь на земле, и такая маленькая, когда смотришь сверху. Моргул никогда не завидовал драконам, но сейчас ему было жаль, что он не может видеть мир таким всегда, что он так жалок и настолько слаб, что он, — что он что? В чём заключается его слабость? Ведь возможно, он самый могучий драконоборец из всех драконоборцев! Хотя нет, он же ничего не достиг. Нужно работать над этим, работать над своей силой. Брать и делать, просто брать, и делать! Улучшать себя, доказать всем и каждому, что Моргул чего-нибудь, да стоит! Он вздохнул, и сильнее сжал Салину ладонь. Она посмотрела на него, улыбнулась. Их взгляды встретились. Девушка уже не была похожа на ту полуживую Салу, которую Моргул первый раз увидел в груди трупов вот уже почти месяц назад. Казалось, что прошла уже вечность с того, как Моргул покинул родное болото. Каким он вернётся туда? Как его встретят, его — оставившего на смерть

товарищей? – Он не знал, эта мысль терзала его, как собака пойманную, ещё едва, но всё же, живую добычу. В одном он был уверен: он вернётся на топи с Салой, дочкой покойного деревенского старосты. Интересно, где близнецы Брайн и Сфол? Откуда они взялись в деревне, если никогда не жили в ней? Моргул почувствовал, как Сала крепче сжала ему ладонь в ответ, и мысли о тех братьях покинули его. Сала, не переставая бежать, поинтересовалась у него:

– Моргул, что происходит? Мы в небе?

– В небе, – с наслаждением ответил он, – в небе!

– Мы погибли? – спокойно, без интереса спросила Сала.

– Не важно, мы вместе! – он улыбнулся. «Вместе!» – подхватило непонятно откуда взявшееся эхо.

Они остановились, обняв друг друга. Моргул нежно поправил Сале волосы на лбу, она смотрела на него своими глубокими, как океан, глазами в которых отражалась вся суть бытия. Их губы слились в поцелуе. Они медленно начали спускаться вниз. Вот они уже на земле. Вокруг зелёная, а не выезжено-жёлтая, как в остальных частях степи, трава. Цветы. На горизонте берёзовая роща, значит, они уже близко к топям. Но они не смотрят на это великолепие, они увлечены только друг другом.

Они не спеша шли к лесу. Из высокой травы высунула свою страусинообразную голову дрофа. Она с интересом смотрела на двух непонятных идущих куда-то людей. Она прервала просмотр, когда её дудак захлебнулся своей пес-

ней, подзывая её. В траве шебуршились ящерицы.

Сала спросила:

– Моргул, как ты это сделал, ну тогда, со светом из руки?

– Не знаю, —пожал он плечами, —может, попробовать ещё раз? – Он вытянул руку, напрягся, его лицо исказилось, но свет так и не зажигался. Сала засмеялась, Моргул присоединился к ней.

Глава третья

Крылья свободы – огонь

Солнце взошло и потухло ещё три раза, пробуждая, а за тем, усыпляя жизнь. Они шли уже по лесу, пробираясь через заросли. До столь родных Моргулу топей оставался только один, короткий и быстро заканчивающийся день. Вот ноги уже вязнут в зыбкой трясине. Сейчас нужно найти гать, чтобы дойти до Зюмпвальда. Иначе ни как.

Гать найдена. Моргул шагает по ней, думая о том, как он будет объяснять своё прибытие. Сала шла за ним. Очень жарко. Комары раздражают. Вот уже и Зюмпфвальд, Моргул видит людей, смотрящих с удивлением на Салу и, не здороваясь, потупив взгляд, идёт дальше, на самый край, к своему покосившемуся и прогнившему, но всё же родному дому. Его жилище стояло, всем своим видом, всячески показывая, что оно не радо его возвращению. Он остановился перед дверью, не решаясь войти. Казалось, его сердце стучало так сильно, что в доме могли услышать его, и открыть дверь. Собравшись с силами, он постучал. Никто не ответил ему. Он постучал дважды, и опять не получил ответа. Тогда он постучал трижды и услышал скрип досок за спиной. Кто-то взял его сзади за голову и пинком отправил в дверь. Он обер-

нулся, в дверном проёме стоял его отец.

– Почему ты вернулся как поражённый? Где твой отряд, трус? Позорно сбежал? – он сверлил Моргула взглядом, – Нет большего стыда, чем вернуться так с охоты!

Мать лежала в углу, накрывшись одеялом. У неё опять была малярия. Лицо было покрыто сыпью. Она попыталась повернуть голову. Моргул начал оправдываться.

– Все погибли. Не было смысла оставаться, – на этих словах отец ударил его, но Моргул продолжил: – дракон победил нас.

– Кто это? – Он указал на Салу.

– Она из сожжённой деревни, долго объяснять.

– Зачем ты привёл её сюда, Моргул? – Он сделал особый акцент на последнем слове, – нам не нужны степняки, – он замахнулся на неё, Моргул поймал его руку. Сала вышла и, сойдя с гати, побежала по болоту. Моргул кинулся вслед, схватил её за запястье, но оно выскользнуло из его рук, и Сала не остановилась. Вот она идёт уже по пояс в воде, её затягивает трясина, она тянет руки к Моргулу, он шагает вслед за ней. Сала погружается в воду по шею, по брови, она захлёбывается, Моргул приближается, пытается вытащить её. В его голове повторяются Слова Наркиса: «Эта девушка притягивает к себе беды, как она умудряется быть всё ещё живой?!». Он люто возненавидел старого драконоборца, не смотря на то, что тот был всегда добр с ним: «ничего, старик, ты не живее её, она умудрилась пережить того

дракона, а ты издох, как пёс, в страшных мучениях!», – его глаза видят дальше, чем раньше, взгляд проносится сквозь лес и поле, и останавливается на обгоревшем человеке, плетущимся к лесу, – Ты жив, а Сала нет? Никто после этого никогда не назовёт этот мир справедливым, никто – пока я жив!». Его душу терзает слепая горечь потери. Он не смог спасти, на нём лежит вина. Моргул бьёт в отчаянии и ярости руками по воде, и неведомая сила выталкивает его на доски. Он заходит в дом, отец толкает его на стену:

– Ты позор семьи!

Моргул в гневе посмотрел на него, и вскинул руки к небу. Две огненные змеи обвили отца, они вползают в его открытый от изумления рот. Он округляет глаза от ужаса и боли. Моргул сжимает кулаки, дом начинает гореть. Огонь как-то странно боится достичь Моргула, оставляя квадрат вокруг него. Моргул смотрит, как горит заживо его отец. Почему, если он не считал его своим сыном, он должен считать его отцом? Он посмотрел в угол, где лежала его мать. Теперь она не дышала, задохнувшись в земельно-сером дыму. Он подошёл к ней, пламя расступилось пред ним, и приподнял её голову. Он долго смотрел на её горящую кожу. Он коснулся её лба, и как будто всегда знал, как это делается, извлёк её череп. Поднял его над собой, и как корону надел себе на голову. Он врос глубоко. Моргул услышал её мысли. Отошёл. Посмотрел на догорающий труп отца, осмотрел свой горящий дом, и в ужасе от того, что совершил, взмахнул руками.

Огонь поднял его на крыльях, проломив прогоревшую крышу. Моргул поднимался всё выше и выше, смотря с высоты на родные топи. Он потерял всех, всех кого любил, но обрёл свободу: он может летать! Он взмахнул своими огненными крыльями, и полетел в даль. Он не знал, в какую именно даль он летит, просто в даль, далёкую даль. Он летел навстречу могуществу и свободе. Он предвкушал величие и королевские почести от презренных и ненавистных людей, отказывающихся видеть его неоспоримое превосходство. Он летит, поворачивает голову: рядом с ним по воздуху плывёт Сала. Он пытается обхватить её руками, но лишь обнимает воздух. А крылья несут его дальше, к свершениям. Шарахнулся в испуге журавлиный клин, пролетавший на его пути. Моргул раскинул руки и закричал. Порывы ветра унесли его крики куда-то далеко-далеко. Моргул спокоен, думает: «Я должен отомстить за Салу. Должен отомстить!», не понимая, кому и как он будет мстить. Однако, в его планах, месть укладывалась на пути к величию. На неё можно было выделить время. Так же, не понимая, кому он будет мстить, не понимал он, как действует его сила. Откуда взялся огонь? До него дошло, что он – колдун, чародей, маг. Ему нужно учиться владеть этой силой. Что, если однажды он испепелит себя так же, как сжёг своего отца? – Нет, Моргул не хотел испепеляться, он хотел величия, славы, могущества! Парень слабее остальных поработит сильных, заставит повиноваться себе— королю, нет— Императору Моргулу! Как красиво звучат эти слова,

словно музыка играемая молодым пастухом на свирели ранним росистым утром, когда воздух пахнет живительной влагой, пока не весь сумрак ночи, всё ещё оставляющий свои пятна, покинул мир, уступая место свету.

Моргул, как будто он всегда умел это делать, сложил свои крылья, и они потухли. Он со стремительной скоростью полетел вниз. Опять непонятно откуда взявшееся умение заставило его правильно действовать: он вытянул руки, приложил усилия, и воздух поймал его; он чуть опустил, воздух немного упал вместе с ним – так он проделал несколько раз, пока не оказался на земле.

Кто-то валялся у его ног. Очень не просто было в этом изуродованном ожогами и порезами старике узнать Наркиса. Моргул почувствовал, что он должен сказать какое-то слово, чьё-то имя, пришедшее ему на ум: «Карл!». Старик поднял голову, и удивлённо, как смотрит ребёнок на что-то невиданное, взглянул на Моргула. Назвал его по имени, и надрывистым и жалким голосом, каким говорила бы побитая собака, если бы умела говорить.

– Моргул, я умер? Как давно никто не называл меня Карлом, как приелось мне имя, которое мне дал мой учитель много, очень много лет назад.

– Карл? – Моргул не знал, что Наркиса когда-то так звали,

он питал к старику ненависть, за то, что он выжил, выжил, а Сала нет.— Зачем мы живём?

— Так мы всё ещё живём? — Моргулу нужны были ответы, он вдохнул в старика жизнь, тот сел, и как ни в чём не бывало начал рассказывать, — Мы живём, чтобы служить.

— Служить?

— Да, все ведь служат: народ служит своему королю, король служит своему народу, жрецы служат богам, Драконоборцы свои односельчанам.

— А кому служу я?

— Это твой выбор, ты должен выбрать, кому ты будешь служить. Пока ты драконоборец, ты служишь жителям Зюмпфвальда.

— И ты выжил, чтобы продолжить служить? — Моргул сложил руки на груди, думая, как именно он убьёт Наркиса.

— Да.

— Что же мне с тобой сделать?

— Что ты имеешь в виду?

— Да так, ничего. — Моргул подошёл и, взявшись за обгорелую руку, сломал её. Наркис закричал, его лицо исказилось от боли: глаза выпучились, обгоревшая кожа сморщилась, повторяя гримасу лица.

Моргул взял Наркиса за голову, тот обречённо взмолился:

— За что?

— За то, что тебе несправедливо повезло. — Моргул свернул ему шею, как сворачивают шею птицам, недобитым зве-

рям на охоте. Хруст, и Наркис мёртв, его тело беспомощно и легко в руках Моргула.

Он снова летит, снова машет своими крыльями. Что-то как будто тащит его вперёд. Моргул опускается, вот уже на земле. Огляделся – он в горах. Столпившимся табором окружали его вершины, покрытые загадочным, как истории стариков, и тёмным, как зимняя ночь, лесом. Птицы пели как-то по-зловещему. Цикады рыдали, как плакательницы на похоронах доброго, совершившего много благих дел, человека. За спиной Моргула хрустнула ветка, он обернулся. За ним стоял одетый весь в серое, старик. Чело его было мрачное, словно, трепещущее перед грозой, небо. Он медленно шёл к Моргулу. Их глаза встретились. Моргул пятится назад и, спотыкаясь, падает. Старик приближается, не говоря не слова. Лес затих, онемев, разделяя ужас Моргула. А старик шёл, просто шёл. Вот он уже в трёх шагах, в двух, в шаге. Неведомая сила ставит Моргула на ноги. Наконец безмолвие прерывается. Голос пришлеца звучит хрипло, как будто демон говорит устало.

– Я знал, что ты придёшь, Моргул, – старец положил ему руку на плечо, смотря прямо в душу Моргулу своими серыми, как крыло летучей мыши, глазами, – я знал, что ты найдёшь меня, мальчик мой.

– Я никого не искал, – отрезал Моргул, – кто Вы?

– Ты только думаешь, что не искал, – хриплый демонический голос звучал сладко и лестно, – тебе ведь был нужен учитель. Ты нашёл его!

– Ваше имя? – повторил свой второй вопрос Моргул, – Как Ваше имя?

– Корвус Коракс Гидрардирум, Младший, – старик улыбнулся, – Тебе стало легче?

– Теперь я знаю, как к вам обращаться, Кор-вакс Корк-вус Ги-ра-рдум...

– Хватит! – прервал его старец, – называй меня просто Мастер Корвус, – подождал, затем добавил, – нет нужды коверкать моё славное имя.

– Какое сложное и длинное! Вы придворных кровей?

– Нет, я маг, – старик явно обиделся, – а тебе, будущий покоритель земель, нужно подобающее имя. Моргул на языке угнов – ублюдок?

– На языке орков, – поправил Моргул.

– Значит, звучит на двух языках одинаково! – Раздражённо ответил Корвус, он явно не любил, когда его поучают, – Всё равно это не лучшее имя для мага.

– Мне нужно его придумать, новое имя? – Моргул начал вспоминать красивые слова.

– Нет, имя тебе даст учитель.

– И какое же? – стараясь скрыть нетерпение, спросил Моргул.

– Моргул Фиттих Офф Фрайфойер, по-моему, звучит красиво.

– Что оно означает? – Моргулу нравилось его новое имя, он даже не заметил, что учитель так и не избавил его от обидного «Моргул».

– Моргул Свободный Дракон, это на языке древних скал.

Моргул с наслаждением во весь голос проскандировал:

– Моргул Фиттих Офф Фрайфойер, Свободный Дракон!

– Ученик Корвуса Коракса Гидрардиума Младшего, – добавил новоиспечённый учитель, – ученик великого мага.

Моргул снова продумывал свой герб. Он теперь не воин, поражающий дракона, он сам – дракон! Дракон с противоположным знаком, воплощение добра и правильности. Теперь Моргул был уверен, на его гербе должен быть изображён именно белый ящер. Сложно, очень сложно ему представить дракона благородным и справедливым, драконы – гнусные и подлые твари, не знающие ни жалости, ни сострадания. Но они свободны, как и Моргул. Нужна ли Моргулу свобода? Что это вообще такое? Моргул не знал, что это, но был уверен, что то, что у него сейчас есть – огненные крылья, и есть – свобода! И был также уверен в том, что эта свобода ему необходима, как воздух, как пища. О, это сладкое и непонятное слово! Моргулу на ум пришли стихи, такие же, какие читал и Наркис. Моргул не переставал считать их глупыми и бессмысленными, но почему-то потерял к ним прежние презрение:

Стихотворение так себе, особенно концовка, но оно въелось Моргулу глубоко в душу, оставив за собой рубцы.

Моргул шёл за Корвусом. Казалось, деревья расступались перед ними в страхе. Птицы замолкали, а звери застывали в оцепенении. Солнечные лучи причудливо просвечивались сквозь кроны многовековых деревьев, порождая разные тени, складывающиеся в удивительные фигуры. Немного отдался волне воображения, и можно увидеть города, с движущимися по ним каретами, повозками, пешеходами; старого пилигрима в остроконечной шляпе, с мешком за спиной, опирающегося на трость; двух всадников, первый из которых преследует второго.

На опушке стояла небольшая хижина под соломенной крышей. Дверь в неё была заперта, при этом без ручки, замочной скважины, замка, и вообще, было непонятно, как она в принципе открывается. Но как только Корвус подошёл к ней, она отворилась сама собой, издав приветственный дружелюбный скрип. Зайдя внутрь, Моргул огляделся. Была всего одна комната, посреди которой стоял большой стол, заваленный, по всей видимости, очень старыми книгами и бумагами. Перо само по себе макалось в чернильницу, и что-то писало. Учитель протянул руку, и запись прилетела к нему, он ознакомился с ней, довольно кивнул и, улыбаясь, отправил её обратно. Вдоль стен стояли этажерки с такими же старыми книгами. Моргул стоял, боясь дотронуться до чего-нибудь, сломав это. Увидев его растерянность, Кор-

вус хлопнул его по спине: «Проходи!», Моргул послушался, подошёл к столу, из-под которого выскочило два мягких стула. «Садись» – указал на один из них учитель. Моргул сел, Корвус тоже.

– Ну, и как я буду тебя учить? – поднял глаза Корвус.

– Можно, всему, и побыстрее? – Моргул скрестил ноги под стулом.

– Ты читать то умеешь? – Спросил учитель, но казалось, что он заранее знал, что Моргул ответит.

– Нет, не умею.

– И при этом хочешь обучиться побыстрее? – он неприятно улыбнулся.

– А так не получится?

– Не могу же я сделать так, чтобы ты знал и умел делать всё то, что знаю и умею я... – он подумал, – хотя, почему не могу? – Могу! – Корвус щёлкнул пальцами, и протянул Моргулу бумагу. Тот взял её, внимательно посмотрел на надписи, и неожиданно, неизвестные ему буквы сложились в понятные слова, он прочитал, посмотрел на учителя, снова в бумагу, и снова на учителя.

– Здесь написано, что я в обмен на учение, остаюсь при Вас на год, как помощник.

– Если один из нас не умрёт до конца этого года, – добавил Корвус, – так как я тебя уже всему научил, ты просто остаёшься при мне как помощник.

– Я согласен. – Моргул протянул учителю руку, но тот

не пожал её.

– Тебе нужно подписаться, – Моргул взял со стола перо, макнул его в чернила, но учитель одёрнул его:– Кровью!

– Кровью? – переспросил Моргул.

– Да, кровью, – он протянул Моргулу железное перо. –
Прошу.

Я взмахну крылами,
И улечу я вдаль,
Далеко за собой я оставлю
Свою тревогу, свою печаль.
Страх меня покинет,
И навсегда уйдёт.
Со светлой душой, как иней,
Император к трону идёт.
Возьмёт он державу крепко,
И не возбоится беды,
И советам он не внемлет,
Старческой бороды.
Он сам со всем разберётся,
Врагов своих победит,
Время ему отдаётся,
Пока жив, в седле он сидит.
Когда Смерти час настанет,
Побратается он с ней, шутя,
Гордо сойдёт он в адское пламя,
Молча вперёд идя.
Не обжигая белые ноги,

К покою все открыты ему дороги.
Покой ждёт,
Лишь на него уповая.
А ветер вечно его ласкает знамя,
Слиться с ним воедино мечтая.

Не смотря на добродушие Корвуса, от него исходило зло. Он излучал его, посылая потоки окружающим. Казалось, что он что-то скрывает.

Моргул вышел из хижины и пошёл к реке, которая шумела где-то неподалёку. Идя по лесу, его преследовало чувство, что кто-то следит за ним, не выпускает его из вида ни на минуту. Река шумит единым потоком. Моргул наклонился к ней, чтобы намочить руки, и опешил: на него смотрело совсем непривычное отражение. Как же он изменился! Его сейчас не узнал бы ни отец, ни Наркис, ни Браф, не узнала бы его и родная мать: волосы поседели, переливались ярко белым, как снег в свете утреннего солнца, цветом; за счёт материнского черепа-короны, напоминания о доме, голова его удлинилась.

Он услышал журчание – из воды выходила Сала, живая. Она радостно смотрела на Моргула, улыбалась. Протянула ему кисть, он нежно взял её двумя руками и прижал к се-

бе. Мгновение, и он видит, что держит воздух – Салы нет! Но теперь он чувствует, как мокрые руки ложатся ему на плечи. Он накрывает её ладони своими, оборачивается, и долго смотрит на её бледное лицо. Повернувшись, он обнимает её за талию и целует, долго, закрыв глаза. Открыв их, он снова видит, что Салы нет, но теперь он чувствует, как она обнимает его под руками. Она медленно тянет его в воду, Моргул поддается, теряет сознание, и видит дивный сон, в котором он вместе с Салой плывёт по жёлтой от осенних листьев реке на лодке.

Очнулся он, уже лежащим на полу, в хижине. Корвус за столом что-то писал. На стуле в углу сидела Сала.

– Она жива! – Моргул резко сел, – она не утонула тогда!

– Разве? – дружелюбно спросил учитель.

– Вон она, в углу же! – Моргул потерял самообладание.

Корвус посмотрел туда, куда Моргул показывал пальцем.

– Но там никого нет, же, – учитель продолжил писать.

Сала грустно смотрела на Моргула, Моргул непонимающе смотрел на Салу. Она улыбнулась, пожала плечами и, открыв дверь, вышла. Корвус удивлённо встал и закрыл распахнувшуюся дверцу, сел за стол и снова вернулся к своему делу. Моргул ударил кулаком по полу, и снова лёг на холодные дубовые доски.

Прошло полгода. Моргул выполнял поручения учителя, жил в его хижине, добывал пищу магией и почти забыл о своих намерениях. Его мучили новые, появившиеся в лесной хижине проблемы. Как-то раз, Корвус, сидя за своим столом, поднял ладонь: «Тихо!» – прислушался, что-то сосчитал, загибая пальцы: «Три всадника, через четверть часа будут здесь. Интересно». Он вышел, Моргул за ним. Они видят трёх конных, спокойно куда-то скачущих. Учитель щёлкнул пальцами, троицу окружило пламя, их лица побелели от ужаса, кони ржали так громко, что их можно было слышать на другом конце леса. В страшных мучениях погибая, падают они вместе со своими седоками. Корвус улыбался.

– Зачем Вы это сделали? – округлил глаза Моргул.

– Надо же как-то не сгнить в этом лесу, – пожал он плечами. – Тебе разве всё не надоело?

– Они же люди! В чём они виноваты!

– Ни в чём, им просто не повезло.

– Как можно так говорить... — начал было Моргул.

– Довольно! – оборвал его учитель. – Не учи меня жизни!

Моргул заметил, что Корвус постоянно куда-то исчезает на несколько часов. Здоровое любопытство, а также зло, излучаемое учителем, заставили Моргула в один день проследовать за ним. Корвус долго просто шёл по лесу, направля-

ьясь к вершине горы. Он нёс с собой большой свёрток, на который странновато косились звери, а их было много, встречающихся на пути. Моргул уже устал идти, когда Корвус наконец-то остановился в некотором расстоянии от вершины. Он звал кого-то, ещё и ещё, и незримый собеседник откликнулся странным звуком. Тогда Корвус поднялся на вершину, развернул свой таинственный свёрток, извлекая из него большой кусок кроваво-красного мяса, и бросил содержимое на камень. На скалу упала тень, Моргул посмотрел наверх, и мысль громко раздалась у него в голове: «Он кормит драконов!»

– Почему ты так смотришь на меня? – не поворачиваясь, спросил Корвус.

– Ты кормишь драконов! – яростно прокричал Моргул.

– И что тут такого, – скучно спросил Корвус, – видишь ты? – он особенно чётко произнёс последнее «ты». Моргул никогда раньше не обращался к нему на «ты».

– Ты кормишь драконов! – ещё яростней сотряс воздух Моргул.

– Я знаю, что я делаю, – раздражённо парировал Корвус. – Зачем говорить мне очевидные вещи?

– Они сжигают посёлки, убивают людей, знаешь, сколько невинных человеческих душ из-за них погибло? – Моргул закипал всё больше и больше.

– Разве люди не делают то же самое?

– Во время битвы с ними погиб Браф!

– Разве не люди приходят к драконам с мечами, желая за-получить трофеи?

– Во время битвы с ними погиб мой дед, отец моего отца, – Моргул уже кричал, надрывая голос.

– Разве люди не хуже драконов в свой подлости и изво-ротливости? – Корвус, напротив, говорил даже слишком уж спокойно

– Во время битвы с ними погиб мой дядя, брат моего от-ца! – У Моргула первый раз за очень долгое время пошли слёзы из глаз. Он не проронил ни одной слезинки, когда дра-кон убивал его товарищей, когда Сала тонула в болоте, когда его дом был объят пламенем. Что же его так затронуло, его, сильного мага? Человек, который кормит дракона? Да! Та-кой человек заслуживает смерти! – Драконы сами могли бы найти себе пищу, сожрав такого же человека, как и ты! – Моргул вытянул руку, заклиная Корвуса, но тот оборвал его заклятие и прижал Моргула к земле мощным воздушным прессом.

– Полегче, мальчик мой – Корвус что-то сказал дракону, и тот улетел. Моргул снова видит дальше обычного: три че-ловека пробираются по лесу, боязливо озираясь по сторо-нам – муж, жена и маленький ребёнок лет трёх-четырёх. Вот дракон появляется из ниоткуда, на его, как будто отполиро-ванной, чешуе отражаются, окаменевшие от дикого ужаса, глаза отца. Отчаянные крики людей подняли птиц из сво-их родных и уютных гнёзд. Моргул с ненавистью смотрит

на ящера, поедающего заживо семью. Корвус тихо улыбался. Моргул готов был разорвать его.

– Ты чудовище! Ты не достоин жить!

– Полегче, я сказал. – Корвус прижал его сильнее, продолжая говорить совершенно невозмутимо. Он был хладнокровнее, чем змеи, копошившиеся под камнями. – Ты же не думал, что ты сильнее меня? – учитель улыбнулся. – Ладно, пойдём, есть разговор.

– Какой разговор? – Моргул не понимал, какой разговор может быть с человеком, только что кормившим дракона.

– Пошли, я сказал!

Моргул успокоился. Он покорно шёл за Мастером, вдыхая лесные ароматы. Мастер говорил в своей обычной манере: «Недавно, ко мне приходил маг Аурум, приходил по твою душу. С ним был и мой старший брат в обличии ворона. Я не выдал тебя. Зря? Может быть и зря. Хотя помогать Ауруму, этому нарциссу, предложившему мне за тебя освободившиеся место в Ордене Седых Старцев, у них кто-то там исчез. Думает, что если я в первый раз отказался вступать в него, то буду из кожи вон лезть, чтобы попасть туда сейчас? – Корвус фыркнул. – Но речь не об этом. Они боятся тебя, Моргул. Сильно боятся. Сильнее, чем волки боятся огня, сильнее, чем дрофы боятся воды. Они хотят покончить с тобой. Убить» У Моргула в голове не укладывалось, что его хочет убить какой-то там орден. Он злился, он выходил из себя. Глаза его округлялись, а руки тряслись от гнева. Корвус

тем временем продолжил.

– Они думают, что ты можешь убить их, что ты опасен.

– А ты не боишься, что я могу убить и тебя?

– Ты уже не убил, – Коракс улыбался. – Уже не смог. Уже поражён.

Моргул щёлкнул пальцами. Голова Корвуса отлетела от тела, пачкая всё вокруг багрово-красной кровью. «Вот и всё, – сказал Моргул, – не надо было называть меня поражённым». Взял в руки оторванную голову, смотря в мертво-пустые глаза, вспоминая: «Если один из нас не умрёт до конца этого года», и испугался, испугался самого себя.

Теперь, он должен уничтожить орден седых старцев. Они хотели убить его! Они не будут жить! Моргул снова окрылён огнём, снова летит навстречу неизвестности. Он не просто Моргул, он Моргул Фиттих Офф Фрайфойер, и он знает, что крылья свободы – суть огонь!

Глава четвертая

Ворон

Моргул летит на своих крыльях в этот ясный солнечный день неведомо куда. Сверху просматриваются горные хребты, покрытые, как голова человека волосами, лесом; жёлто-зелёные степи, переливающиеся своим то золотым, то саплатовым цветом. Он летит на север, летит убивать. Он истребит по одному всех магистров. Зло должно быть наказано. Магистры – сущие зло, раз они хотят его уничтожить. Почему же, почему же так много зла кругом затаилось? Сколько сил нужно Моргулу, чтобы истреблять его, идя к своей цели – величию! Моргул оскалился, демонстрируя воображаемому противнику свои жёлто-чёрные, как и у всех, кто живёт на его родных болотах, зубы. Он добро, но он силен и свиреп, как дракон! Моргул вытянул шею и выдохнул пламя, окутавшее его, но не причинившие ни малейшего вреда своему извергателю. Он счастливо улыбнулся, прикусив нижнюю губу, а потом раскатисто рассмеялся. Казалось, его полный чистосердечного и неподдельного счастья смех облетал всю землю: и горы, и степи, и леса; и слышали его, радуясь и хваля небеса люди добрые, эльфы; и трясясь от страха люди злые, нежить, в предчувствии прихода своей скорой

кончины, встречи с молчаливым Максимилианом.

Становится очень холодно, Моргул согревает себя огнём. Внизу неизвестные ему земли, все покрытые сверкающе-белым снегом. Странные замки стоят у холодного моря. Моргул никогда раньше не видел моря. Оно завораживало его своей бескрайностью, своей мощью, то каменным спокойствием, то животной свирепостью. Моргул чувствует, что один из магистров где-то рядом, протяни руку – и он твой, желательно, неживой. Моргул пролетел северные города, по которым ходили варвары, одетые в кожу и меха, носящие латы, кольчуги и странные рогатые шлемы, из-за которых Моргул принял было их за демонов, и собрался уже истреблять, но вовремя заметил оплошность, и продолжил поиски. Теперь были маленькие лагеря, дымящие своими кострами-сердцами. Моргул чувствует уже непосредственную близость, но нет сил уже больше лететь. Он опустился. Наст проломился, и Моргул по колени провалился в снег, аж присев от неожиданности. Немного пламени, и всё это безобразие растоплено, серо-чёрная земля обнажена. Надо переждать ночь. Магистр всё равно никуда от него не денется. Моргул сотворил себе небольшой шатёрчик и костерок. Сидел, грелся, и думал. Когда-то он не мог себе позволить свободно думать, не опасаясь, получить оплеух. Когда-то, когда был жив его отец, не считавший Моргула за сына.

Сквозь сине-чёрное небо пробивался серебряный свет звёзд. Снег блестел в лунных лучах, озаряя всё вокруг север-

ным таинственным свечением. Было светло как днём. Моргул не мог заснуть, белый, режущий глаз снежный отблеск отгонял его дрёму. Он лежал, ни о чём не думая, тело его отдыхало. Сон всё-таки волнами своими накрывает его, он видит странные картины:

«Странный старик в плаще стоит пред ним. На плече у него сидит ворон. Старик говорит ему:

– Зачем ты пришёл сюда? – ворон повторяет за ним своим карканьем: «зачем ты пришёл сюда?»

– Я... Я не знаю. Вы кто? – Моргул не понимал где он.

– Хочешь умереть? Хочешь? Хочешь? – ворон повторял за стариком: «Умереть хочешь? Хочешь, а?»

Вокруг бешено летают обрывки чёрной материи и ворона чёрные перья»

Моргул рывком поднялся, стирая со лба рукавом холодный пот. Уже утро. Сзади слышится карканье, Моргул подсакивает от испуга – всего лишь ворон!

Моргул стоит посредине круга, в котором он вчера растопил снег. Что-то не так. Такое предчувствие, что он что-то потерял, но ни как не может понять, что именно. Ладно, потом. Сейчас – главное закончить дело. Ему нужно найти магистра. И вот, он резко осознал, что больше не чувствует его присутствия. Он куда-то исчез, не смотря на то, что ещё вчера был где-то очень близко. Моргул снова взлетел, расправив свои огненные крылья. Крылья несут его куда-то. Магистр, магистр, где ты? Возле холма разбит лагерь. Моргул спуска-

ется туда, поток воздуха сбивает кожаную палатку. Моргул видит человека закутанного в плащ с вороном на плече. Точно такого же, как в его сне, только этот опирался на посох. Какие-то дети убегают. Незнакомец поднимает голову, ужас меняет его лицо: «Моргул!»

– Откуда ты знаешь моё имя! – Моргул, испепелив убегающих детей, прижал магистра воздушной плитой к земле, ворон слетел с его плеча. – Кто ты?

– Я Аурум. Верховный магистр ордена Седых Старцев! – он повёл рукой, плита поднялась, освобождая его из своих тисков. Он отбросил свой посох в сторону, Моргул сжёг тут же эту корявую палку голубым пламенем.

Ворон что-то прокаркал. Аурум кивнул и, вскинув руки, обрушил на Моргула всю свою мощь. Моргул устоял, его белёсо-синие вены выпирали, казалось, они вырвутся из его тела. Аурум поднял снег и направил его в Моргула. Наст резал его лицо, он не может больше стоять. Он отлетает назад, падая на спину. Ещё чуть-чуть и он поражён. А как же величие? Как же его желание стать Императором, покончить со злом? Изю всех сил Моргул совершает рывок, и сила Аурума направляется против него же самого, сшибая, как Моргула несколько мгновений назад. Моргул не отступит, он давит до последнего, скалится, наблюдая за удушьем врага. Ворон каркает, и взмахами своих крыльев сбивает заклинание Моргула. Как? Как может делать это ворон? Моргул посылает в птицу огонь, но тот не достигает цели – дьявольская

ворона отталкивает его. Аурум в это время пытается насладиться проклятием, ломающими кости. Моргул сопротивляется, создаёт ледяной кинжал и переносит себя к Ауруму. Удар, удар – получилось! Горячая кровь на холодном лезвии. Ворон метнулся к голове Моргула, выкливая глаза. Моргул взвыл от боли, схватившись за своё лицо, теперь уже только с одним оком, и отбросил ворона. Тот взлетел, унося за собой раненного магистра. Всё вокруг содрогнулось от крика Моргула: «Нет, стой!» Но ворон никак не отреагировал на это. Моргул упал ничком, вокруг его головы образовалась багрово-красная лужа. Теперь он видит мир только наполовину.

Что же ему делать? Неужели, он слабее? Как ему оправдаться перед самим собой? Моргул в кровь прокусил губу, бился головой об землю: «Как, как жить?» Он снова летит в хижину уже мёртвого учителя. Он убьёт дракона, не сумел магистра, – убьёт хоть кого-нибудь! Из впадины, где раньше был глаз, капает на снег кровь, Моргул оставляет за собой след – тонкую красную полоску. Как же больно! Как же страшно! За что небеса так жестоки с ним? С одиноким зюмпфвальдцем? Чем он прогневил богов? А может, магия – это не дар, а проклятие? Может быть остальные жители болота, не умеющие колдовать счастливее и у них больше причин хвалить небо? «Жизнь, что ты делаешь со мной?» – Моргул в ярости убивает пролетающих птиц. Боль и отчаяние. Он ещё за всё отомстит! Он – единственный луч света, пробивающийся сквозь эту непроглядную тьму злобы и лжи.

Его враги заплатят ему! Заплатят кровью! «Со светлой душой, как иней, император к трону идёт»

Моргул пролетает над уже знакомыми ему лесами. Кроны деревьев не дают посмотреть, что же происходит на земле. Да это и не важно. Моргулу нет дела до этого.

Опустевшая хижина стояла с распахнутой дверью, ожидая его. Он поджог её, долго смотрел на огонь. Интересно, предчувствовал ли Корвус скорую смерть?

Как всё-таки красив огонь! Его языка пляшут свой неповторимый танец, переливаясь красными, жёлтыми, оранжевыми цветами.

Когда хижина догорела вместе со всеми книгами, бумагами, самопишущими перьями, оставив лишь горстку бело-серого пепла, Моргул встал, и пошёл на гору, на которой он убил своего учителя. Сзади послышалось карканье, Моргул обернулся, но ворона нигде не было видно. Шаг за шагом поднимался он на вершину, приминая невысокую траву меж деревьями.

Голая вершина хорошо прогрелась солнцем. Когда сюда прилетит дракон? Может его надо как-то позвать? Нет, он уже сам летит навстречу смерти. Небольшое колдовство, и деревянная палка превращается в превосходный меч: «Ну же, ящерица, я жду!» Дракон с силой обрушился на скалу, Моргул выставил вверх лезвие, но оно до того сильно отскочило от чешуи, что испугавшегося от неожиданности

Моргула отбросило в сторону. Дракон разворачивается и извергает пламя, отбитое Моргулом через несколько мгновений. Моргул очередной раз сотворил себе крылья, взлетел, проткнул мечём дракону ноздрю. Кровь дракона, как будто обжигало голые руки. Удар в пасть снизу в верх – дракон мёртв. Всё-таки Моргул чего-то да стоит! Он приблизился к бездыханному телу, смотря на драконьи глаза: «А что, если...?» – он вытащил один глаз, с наслаждением смотря, как в нём отражаются пушистые белёсые облака, вставил его себе в глазницу. Сильная боль, очень жарко, Моргула начало трясти, его тело всячески отторгало драконье око, лихорадка длилась четверть часа, Моргул в это время дёргался на скале. Когда озноб прошёл, и он открыл глаза – теперь не глаз, а именно глаза – он удивился, каким же прекрасным видят мир драконы. Яркие краски, видно на несколько миль, можно смотреть сквозь предметы, прилагая лёгкое усилие, наподобие сощуривания – ни один другой маг и мечтать о таком не мог!

Неразумная птица начала петь, нарушив идиллию. Моргул посмотрел ей в глаза: «Замолчи!», и птаха под взором драконьего глаза повиновалась. Удобно. Это всегда работает? Моргул спустился чуть ниже, увидел лису, собравшуюся было убежать от него, но встретившись взглядом с ним, и услышав «Стоять!» она застыла, как изваяние. Глупые драконы, почему они не пользуются этим? – Хотя, для них командовать было бы проблематично, не могут же они гово-

ритель, как люди. Моргул чувствовал, как его магическая сила в разы возросла. Под его взором усиливалось пламя, кипела вода. Одного взгляда достаточно, чтобы испепелить противника, Моргул тренировался на лисах и кроликах – но глаз для испепеления требовал подпитки, ему нужно было сперва высосать из кого-нибудь энергию. Какой-то ворон подлетел к Моргулу с диким карканьем, Моргул хотел было испепелить его, но тот не поддался, атаковал его ещё раз. Это тот самый! Моргул просто отбил его рукой, схватил за шею и начал её сворачивать. Ворон стал бестелесный чёрным туманом, закрутился в небольшом урагане, превращаясь в человека и, став на ноги, толкнул Моргула в грудь двумя руками, повалив тем самым его на землю, и исчез.

Моргул вскочил, увлечённо озираясь по сторонам, пытается найти ворона. Когда поиски не увенчались успехом, он направился к пепелищу. Куда ему теперь идти? У него теперь не дома. Что делать теперь, чтобы стать великим? Явно не ходить по месту, где стоял дом, пиная пепел, разлетающийся по ветру.

Для жизни есть всё: в лесу много дичи, рядом речка, лето. Но всё же, зачем он сжёг хижину? Он бы мог прожить в ней всю жизнь спокойно и тихо. Хотел бы он так жить? – Нет, ему определённо нужно доказать людям, что он велик, что он самый достойный из всех достойных! Нужно построить империю света! Покончить со тьмой! Жизнь сложна, а у кого-то и очень уж коротка. Успеет ли он?

Кто-то зовёт его. Прислушался, чей-то тихий и спокойный голос отчётливо звучит у него в голове: «Моргул!» Быть может, это всё ещё жар, его тело всё ещё не приняло новый глаз? Моргул пощупал свой лоб – вроде не горячий. Значит, кто-то действительно его хочет увидеть.

Он сел, обхватил колени, закрыл глаза, полностью погрузился в себя. Он видит странные картины, вероятно из его воображения: вот он стоит по колени в воде, изрезанной разводами тины цвета можжевельника. На деревянных опорах стоит большой дом, украшенный резными узорами. Он идёт, вода журчит при каждом его шаге. Взойдя на гать, он почувствовал себя по-настоящему счастливым, первый раз за очень долгое время ощутил себя дома. Он открыл дверь, приветливо проскрипевшую нечто вроде: «Добро пожаловать. Мы ждали тебя», зашёл внутрь. Его встретила мать:

– Почему ты не навещал меня? – её голос был ровным и спокойным, как голос человека понявшего суть жизни, смирившегося.

– Ты ведь умерла, – Моргул был расстерян.

– Разве я похожа на мёртвую? – она улыбнулась. – Ты навсегда поселил меня в себе. Пока жив ты – жива я.

Моргул ощупал свою голову: череп матери куда-то исчез. Мать объяснила:

– Пока ты в себе, ты такой, каким должен быть, – она поднесла ему таз с водой, Моргул увидел в нём своё отражение с обычной, не удлинённой головой и лишь одним глазом.

– Таким я должен быть? – Моргул улыбнулся. – А как мне лучше?

Они засмеялись, обнялись.

– А почему я не могу так же увидеть Салу? – Моргул надеялся, что та сейчас выйдет из дальних комнат.

– Ты же не её череп надел, – надежды Моргула рухнули, как карточный домик.

Моргу вспомнил, что именно его привело сюда: «Меня кто-то звал»

– Кто-то очень светлый хочет видеть тебя.

– Кто? – поднял голову Моргул

– Я не знаю его. Но кроме светлого, желающего говорить с тобой, ищет тебя какой-то ворон, он опасен.

– Ворон?

– Ты уже встречался с ним, – мать прикоснулась к его отсутствующему глазу. – А зачем тебе это? – она жестом сказала следовать за ней, проходя в дальние комнаты. Моргул подошёл к столу, наклонился над ним и увидел драконий глаз.

– Он помогает мне, – мать кивнула ему в ответ.

– Ну, раз помогает.

Моргул ещё отчётливей услышал своё имя. Всё находящиеся вокруг него исчезают. Он снова сидит у пепелища. Ну что ж, нужно идти, идти навстречу свету. И он должен остерегаться этого треклятого ворона.

Глава пятая

Дух леса

Моргул долго шёл, следуя за зовом. Он уходил всё дальше и дальше в лес. Если бы он сейчас задумался о том, как пройти к месту, где стояла хижина учителя, или как добраться до топей, он бы кружился на одном месте, не зная из какой стороны он пришёл. Стволы деревьев казались самыми разнообразными фигурами. Тропинки запутывались, стремясь увести не в ту сторону одинокого путника. Ясный голос звучал в голове, притягивая, как магнит. Моргула не волновало, куда именно он идёт и навстречу кому. Ему всё равно было некуда возвращаться. Ночи были тёплые, комары не мешали жить, и еды вокруг было вдоволь. Вдоль тропки росли какие-то безумно вкусные ягоды. Птицы, казалось, сами изжаривались, посыпая себя пряностями с далёкого востока, и летели тебе в рот. Часто попадаются ручьи с чистой, как слеза прекрасной эльфийки, родниковой водой. Какой-то медведь хотел было заломать Моргула себе на ужин, но встретившись с Моргулом взглядом, исполнил приказ, впад в непривычную летнюю спячку. Волки выли, боясь напасть своей стаей на мага. Почему Моргул не летит на зов? – Странно, но он хочет дойти пешком, как обычный человек, не пугаясь труд-

ностей дальнего пути. Ведь это тоже наслаждение – чувствовать землю под ногами, тем более, в небе не нарвёшь этих чудесных ягод, и вообще останешься голодным, а здесь даже изредка попадаются ореховые деревья восхитительной красоты, на которых растут дивные орешки с легко снимающейся скорлупой. Если кто-то хотел бы следовать за Моргулом, он бы не встретил препятствий по слежке, так как за будущим великим магом оставался след из мятой травы, ореховой скорлупы и косточек, оставшихся после ягод. Но никто не следил за ним. С чего же кому-то иметь сейчас до него дело? Тем более, в таких дебрях его никто просто бы не додумался искать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.